

Значение региона Феццан в политике Франции в Ливии и Сахеле

Александр Мартиросович Наджаров, НИУ ВШЭ, Москва

Контактный адрес: anadzharov@hse.ru

АННОТАЦИЯ

На протяжении ста лет с момента французской колонизации Чада и Нигера ливийский регион Феццан играл значительную роль во французской стратегии на ливийском направлении. Определяющим фактором в значении региона для политики Парижа стали транснациональные процессы феццанского приграничья. Этническая близость Феццана и северных регионов сахельских стран была катализатором франко-ливийских столкновений в Чаде в 1900-е гг., когда колонизаторы столкнулись с сопротивлением ордена сенуситов, подавленным лишь с началом итальянского покорения Ливии. Стремление установить контроль над регионом для обеспечения безопасности владений в Сахеле и соединения их с алжирскими департаментами легло в основу политики Парижа в середине XX в. Значительное влияние региона на Сахель после деколонизации наиболее ярко проявилось в 1970–1980-е гг., когда Ливийская Арабская Республика пыталась использовать этнические противоречия в Чаде для установления своей гегемонии на севере страны, что в свою очередь привело к конфликту с Парижем, в котором Пятая республика благодаря умелой работе с племенами ливийско-чадского приграничья одержала верх. После начала гражданской войны в Ливии в 2011 г. Феццан вновь обрел значение для французской политики из-за появления в регионе террористических структур, связанных с транснациональным сахельским криминалом, чадской оппозицией и силами других великих держав. В статье рассматриваются паттерны французской стратегии в отношении Феццана, в особенности – французская политика в области безопасности в феццанском приграничье. Изучение исторической ретроспективы французской политики позволяет более основательно определить мотивы и намерения стратегии Пятой республики на юго-западе Ливии на современном этапе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

внешняя политика Франции, Феццан, гражданская война в Ливии, Чад, нестабильность в Сахеле, тубу, транснациональные процессы, сенуситы

Введение

Ливийский регион Феццана представляет собой пустынное засушливое пространство с редкими городами-оазисами. Включенный в состав ливийского государства при его образовании в 1951 г., регион значительно отличался от других частей Ливии. Феццан населяют преимущественно кочевые племена – арабы, туареги, тубу и родственные им. Кочевники Феццана в силу исторических причин всегда были связаны с сопредельными южными странами: Суданом, Чадом, Нигером. Феццан представлял собой транзитное пространство между прибрежной Ливией и Сахелем, через которое проходили торговые и людские потоки, осуществлялось межэтническое взаимодействие.

Значительное влияние Феццана на сахельские страны предопределило особую роль региона в политике Франции на ливийском направлении. Франция, с конца XIX в. играющая значительную роль в регионе Сахеля, как до, так и после деколонизации была вынуждена принимать в расчет высокий уровень трансграничных взаимодействий на севере Чада и Нигера с одной стороны и в Феццане – с другой. Данный фактор лежал в основе политики Парижа во времена колонизации Чада и Нигера, временной оккупации Феццана в 1943–1951 гг., в ходе выстраивания неоколониальной политики в Сахеле после деколонизации и определил подход Пятой республики к современному ливийскому конфликту (2014 – н.в.).

Задача данной работы – определить влияние приграничных процессов в Феццане на политику Франции на ливийском направлении и в Сахеле в целом, в особенности в Нигере и Чаде. Исследование представляется актуальным в силу существенной роли Пятой республики во второй ливийской гражданской войне и общего влияния Ливии на процессы в сопредельных странах. Особого внимания заслуживают процессы, протекающие в районе ливийско-чадской и ливийско-нигерской границы, их влияние на формирование политики Парижа на ливийском направлении и в Сахеле.

Изученность роли Феццана в ливийской политике Франции варьируется в зависимости от исторического периода. Так, «сенуситский» этап ливийской политики Франции крайне подробно рассматривается в работах Ж.-Л. Трио «Забывтая франко-ливийская война» и «Черная легенда Сенусии»¹. Периоду французской оккупации Феццана посвящены работы современников французской оккупации Р. Белер-Бодье, Б. Вернье, Л. Кокатр-Зильгьян². Проблема французской оккупации получила освещение и в современной литературе: она рассматривается в диссертации Т. Пальмери, где сравниваются подходы итальянской и французской военных администраций³, в коллективной монографии под редакцией А.-М. Уаннаса, П.-Н. Денъеля и М. Саддама «Неизвестная история. Франко-ливийские отношения в Феццане»⁴, статьях С. Келли, М. Ромо-Наваретт, У. Сибге, ливийских исследователей С.А. Амхиммид и А. Аштъеуи⁵.

1 Triaud 1987; 1995.

2 Vernier 1947; Bellair-Baudier 1949; Cocatre-Zilgien 1956.

3 Palmieri 2015.

4 Wannäs et al. 2012.

5 Sibguet 1999; Kelly 2001; Romo-Navarette 2002; Amhimmid 2021; Ashtiewi 2022a, 2022b.

Роль Феццана в политике Парижа на ливийском направлении после окончания французской оккупации изучена значительно хуже. Из значимых работ стоит отметить диссертацию С. Булхасена¹. Частично вопрос Феццана во франко-ливийских отношениях затрагивается в работах К. Беннафла, К. Греф и С. Клерэ, Н. Мурика, Р. Отайека². Значение Феццана для ливийской политики Франции на современном этапе частично изучено в работах А. Бенсаада, Дж. Харшауи³.

Эпистемологически работа опирается на методологию Копенгагенской школы международных отношений, в первую очередь на теорию региональных комплексов безопасности Б. Бузана и О. Уэвера⁴. В данном случае региональным комплексом безопасности выступает Сахаро-Сахельский регион, в особенности зона ливийско-чадского и ливийско-нигерского приграничья. Франция выступает в качестве великой державы, вмешивающейся в процессы безопасности в регионе. В то же время, как отмечают в своей работе Б. Бузан и О. Уэвер, страны Сахеля, в особенности Нигер и Чад, являются странами-инсуляторами, подверженными влиянию стран Магриба. В этом случае Феццан играет ключевую роль в инструментализации политики сил, базирующихся в Ливии, на Чад и Нигер, что обуславливает его значимость для французской политики. Использование подобной методологии позволяет концептуализировать «процессы (не)безопасности» в феццанском приграничье, определить роль государственных и негосударственных акторов в их формировании.

В работе используется метод сравнительного анализа для сопоставления подходов Парижа к феццанской проблеме на разных исторических этапах. В исторической части работы задействованы методы исторического анализа: историко-описательный и историко-хронологический. Совокупность методов позволяет соотнести исторический и современный этапы французской политики и идентифицировать ее ключевые паттерны.

Феццан в политике Франции с 1890 по 1956 гг.

Южная часть Ливии исторически являлась стратегической зоной для Парижа. Это было связано с географическим расположением Феццана относительно французских колониальных владений в Африке. После разделения сфер влияния на Берлинской конференции 1885 г. во французскую зону влияния вошла большая часть Западной Африки и Магриба. Франция контролировала колонизированный с 1830 г. Алжир, официально включенный в состав французской метрополии; в 1881 г. установила протекторат над Тунисом; в 1912 г. – совместный с Испанией протекторат над Марокко. После 1885 г. были образованы французские колонии «Французская экваториальная Африка» и «Французская западная Африка». Вне зоны влияния Парижа осталась Ливия, формально подчиненная Османской Порте. Таким образом, Феццан представлялся перспективной

1 Bulhasen 2000.

2 Mouric 1984; Otayek 1984; Bennafla 2000; Graeff, Clairret 2003.

3 Bensaad 2019; Harchaoui 2019.

4 Buzan, Wæver 2003.

территорией для соединения североафриканских колоний и алжирских департаментов с новоприобретенными владениями в Западной Африке¹.

Франция формально не заявляла претензий на Ливию, но была заинтересована в расширении своей зоны влияния². Однако на данном направлении французские интересы столкнулись с итальянскими. Итальянскому вторжению в Ливию предшествовал долгий период дипломатической подготовки Римом аннексии Триполитании и Киренаики. После французской аннексии Туниса в 1881 г. – территории, на которую активно претендовало итальянское королевство, – Рим приложил все усилия, чтобы закрепить оттоманскую Ливию в своей потенциальной сфере влияния. Для этого были заключены соответствующие тайные соглашения с Францией в 1900 и 1904 гг., с Великобританией в 1906 г., Германией и Австро-Венгрией³. Франция, активно стремившаяся в 1900-е гг. к установлению контроля над Марокко, не возражала против итальянского проникновения в Ливию; более того, Париж активно стремился «разменять» Ливию на выход Рима из Тройственного Союза. Такой подход разделялся далеко не всеми в Третьей республике. Однако угроза выступления Италии на стороне Германии представлялась достаточно серьезной для того, чтобы уступить территорию османской Ливии итальянцам. Тем не менее стремление и транспортно-логистическая необходимость соединить алжирские департаменты и африканские колониальные владения остались одной из доминант французской политики в регионе⁴.

Однако на рубеже XX в. территория Феццана стала источником угроз для французского присутствия в Сахеле из-за деятельности ордена сенуситов. Несмотря на то, что Ливия была де-юре владением Порты, в реальности Стамбул контролировал лишь западную часть страны, Триполитанию; восточная (Киренаика) и юго-западная (Феццан) части были под владычеством ордена сенуситов. Несмотря на то, что орден номинально являлся вассалом Османской империи, сенуситы проводили самостоятельную политику в Ливии и за ее пределами. Сенусия с середины XIX в. вела активную экспансию в Чаде, основав шесть «лож» ордена – в Бардае, Куру, Ярде, Айн-Калаке, Файе, Важанке Эль-Кебуре, Важанке Эль-Сагейре⁵. В 1901–1902 гг. сенуситы, действуя из своих баз в Феццане, подняли восстание тубу на севере Чада против французской оккупации⁶. Франция ответила серией военных экспедиций на севере Чада: в 1902 г. был взят Бир Алали, в 1906 г. – Кавар и Билма, в 1909 г. – Абаиш и Масалит⁷. Хотя восстание удалось подавить, север Чада был окончательно покорен Парижем лишь к 1920-м гг. Покорению способствовала итальянская колонизация Ливии, переключившая силы сенуситов на борьбу с оккупантами. Однако франко-сенуситская война в Чаде в 1900-е гг. обозначила Феццан в качестве потенциального источника угроз для французского владычества в Сахеле. Угроза интересам Парижа заключалась в использовании враждебными акторами факта присутствия тех же племен (тубу,

1 Frémeaux 1999.

2 Wannäs et al. 2012.

3 Childs 1990.

4 Wannäs et al. 2012.

5 Evans-Pritchard 1954.

6 Triaud 1987.

7 Ibid.

загава, арабов, туарегов) на территории неподконтрольного Феццана и французских колоний в Чаде, Нигере, Алжире. Тем самым Феццан становился потенциальным плацдармом для экспансии враждебных акторов.

В связи с этим в интересах Парижа было закрепить контроль над Феццаном для транспортно-логистического объединения магрибских и сахельских владений и ликвидации потенциальной угрозы восстания кочевых племен. Возможность осуществить эту цель появилась в 1943 г., когда колонна генерала Ф. Леклерка вторглась на территорию Феццана из Чада. По словам Ш. де Голля, войска «Свободной Франции» сражались в Эфиопии, Сомали и Эритрее, но в Феццане они завоевывали¹. После войны территория Ливии, бывшей итальянской колонии, попала под оккупацию союзников: Киренаика и Триполитания попали под контроль Великобритании, а Феццан – Франции.

В силу того, что будущее Ливии после окончания Второй мировой войны представлялось туманным, французская военная администрация запустила процесс плавной колонизации Феццана. Во французском геополитическом воображении Феццан воспринимался как законный трофей победоносной французской армии и крайне важное для колониальной империи пространство². Французские колонии западной и экваториальной Африки, сыгравшие определяющую роль в создании боеспособных французских подразделений на Африканском континенте, должны были быть присоединены к североафриканским владениям Парижа. Кроме того, в южных департаментах французского Алжира были обнаружены запасы нефти и газа. К тому же нефтегазовые месторождения были обнаружены и на территории самого Феццана. Во французском правительстве разрабатывался проект строительства нефтепровода из южных департаментов Алжира через район Гадамеса в Феццане до побережья в Тунисе³.

Однако вскоре после окончания Второй мировой войны геостратегические императивы Четвертой республики сменили соображения более практического характера. В североафриканских колониях Парижа, в первую очередь в Алжире, начался подъем арабского национализма. Парижу было критически важно не допустить превращения пустынных областей Феццана в базы подготовки алжирских и тунисских националистов. Ситуация 1900-х гг. повторялась, однако уже на алжирском направлении. В связи с этим удержание Феццана стало критически важным. Однако в условиях, когда обе великие державы так или иначе выступали за деколонизацию, узаконить оккупацию Феццана представлялось крайне сложным.

На международном уровне действия Парижа одобрения не вызывали. Поддержанный Парижем план Бевина-Сфорцы 1949 г., предусматривавший создание федеративного ливийского государства после проведения референдумов в каждом из трех исторических регионов – Триполитании, Киренаике и Феццане, – был отвергнут⁴. Великобритания и Соединенные Штаты были заинтересованы в создании ливийского государства под их фактическим протекторатом. Вели-

1 De Gaulle 2020.

2 Ashtiewi 2022a.

3 Adjel-Debbich 2018.

4 Genevois 2013.

кобритания, сделавшая ставку на Идриса Ас-Сенуси, главу ордена сенуситов, не питавшего симпатий к французам, смогла продвинуть его в качестве лидера объединенной Ливии и склонить Вашингтон на свою сторону в данном вопросе. Лондон и Вашингтон заключили соглашения с новообразованным ливийским королевством, по которым обязывались финансово поддерживать Ливию в обмен на открытие на территории военных баз. Однако Парижу такого соглашения добиться не удалось. Триполи потребовал вывода французских войск из Феццана, на что Париж не согласился¹.

Феццан был стратегически важен для Четвертой республики, вложившей значительные средства в его колониальное освоение. В период с 1945 по 1949 гг. французской колониальной администрацией были выстроены структуры управления. Они отличались племенным характером. В отличие от итальянских колониальных властей, подавлявших структуры местного самоуправления – *джамааты*, французы интегрировали их в систему колониального управления. В Феццане в целом была выстроена довольно демократичная по колониальным меркам система самоуправления на основе «*мудирии*», когда колониальные власти опирались в первую очередь на племенных вождей². Стоит также отметить, что французские власти уделяли значительное внимание социально-экономическому развитию региона. Наиболее значимым было активное бурение водяных скважин в регионе, что существенно отразилось на социальной иерархии Феццана: исчез институт *джабидов* – бесправных носильщиков воды. Активно строились школы, где обязательным было изучение французского языка. Эти действия были направлены на завоевание симпатий местного населения для закрепления региона во французской сфере влияния. По меньшей мере французы рассчитывали сохранить военное присутствие, чтобы не допустить превращение региона в убежище алжирского Фронта национального освобождения.

В связи с этим в 1955 г. правительство Г. Молле пошло на подписание договора о дружбе с Ливией, в котором правительство Ливии в обмен на вывод французских войск из Феццана гарантировало предотвращение использования своей территории алжирскими националистами и позволяло французской армии использовать Себху и Гадамес в качестве аэродромов подскока³. Однако последующая деколонизация Алжира вывела Феццан из зоны французского влияния. Потеряв североафриканские колонии, Париж сосредоточился на выстраивании неоколониальной системы Франсафрик в бывшей французской Западной и Экваториальной Африке. Ливийское королевство, находившееся в англо-американской сфере влияния, угрозы африканской сфере влияния Франции не представляло по причине отсутствия силы, готовой использовать трансграничные процессы феццанского приграничья в ущерб французским интересам.

Таким образом, в колониальный период были сформированы паттерны политики Парижа в отношении Феццана. Франция стремилась ликвидировать потенциальную угрозу своим колониальным владениям из региона. Планом-максимум для французов было установление контроля над регионом, чего на

1 Palmieri 2015.

2 Ibid.

3 Cocatre-Zilgien 1956.

непродолжительный период удалось добиться в 1943-1951 гг. Однако международное давление и поражение в войне в Алжире обесмыслили дальнейшее военное присутствие Франции на юго-западе Ливии, после чего регион на 20 лет выпал из зоны французских интересов. В данный период Феццан представлял собой пространство вызовов и возможностей для французской империи. Его секьюритизация во французском геополитическом воображении отражала этот факт. Париж осознавал, что закрепление недружественных сил в ливийском приграничье создавало потенциал дестабилизации сахельских владений и алжирских департаментов. Однако его завоевание позволило бы решить эти проблемы, соединив африканские владения империи.

Феццан во франко-ливийских отношениях в 1970-1980-х гг.

Феццан вновь стал представлять угрозу французским интересам в Сахеле в конце 1970-х гг., когда Ливийская Арабская республика вмешалась в гражданскую войну в Чаде. Стоит отметить, что до этого момента отношения Парижа и Триполи развивались в позитивном ключе. Пятая республика увидела в сентябрьской революции 1969 г. окно возможностей, в особенности когда М. Каддафи потребовал закрыть английские и американские авиабазы. Париж воспользовался шансом выйти на ливийский рынок вооружений: в 1970 г. был подписан договор о поставке 110 истребителей типа «Мираж-5» и 200 танков типа AMX¹. С 1969 по 1980 гг. Франция поставила оружия Триполи больше, чем какая-либо страна, за исключением СССР. В целом политика Парижа на ливийском направлении протекала в русле «французской арабской политики», делавшей акцент на прагматичных связях между Францией и арабским миром. Однако амбициозная политика Ливии в Сахеле положила конец партнерским отношениям между Парижем и Триполи.

После провала панарабистских инициатив Каддафи, направленных на создание федерации с арабскими соседями Ливии – Египтом, Тунисом и Суданом, – глава Ливийской Арабской республики переориентировался на Сахель. В планах М. Каддафи было создание Сахаро-Сахельского арабского государства, причем к арабам М. Каддафи причислял туарегов и загава, населявших как сахельские страны, так и Феццан². Кочевые племена юго-запада Ливии и их соплеменники из сахельских стран составили основу сформированного М. Каддафи «Исламского легиона». Таким образом, Феццан вновь превратился в источник угроз для французской системы неокOLONиального господства в Сахеле. Как и за 70 лет до этого, «болевой точкой» стал север Чада.

В 1968 г. северные племена Чада, сформировавшие движение ФРОЛИНА (*FROLINAT*), подняли восстание против трайбалистского режима Ф. Томбалбая. В силу наличия тесных связей между племенами чадского региона Бурку-Эннеди-Тибести (БЭТ) и племенами Феццана ливийское королевство начало оказывать негласную поддержку *FROLINAT*. В конце 1960-х гг. на территории королевства

1 Bulhasen 2000.

2 Prunier 2005.

уже находилось свыше 1000 представителей племени тубу, в том числе религиозный лидер Дерде, который в 1968 г. заключил союз с *FROLINAT*¹. Поддержка усилилась с приходом к власти М. Каддафи. В 1970 г. несколько сотен тубу пересекли границу и усилили восстания в регионе БЭТ. С 1972 г. тубу под эгидой *FROLINAT* начали получать прямую поддержку (обучение, оружие) со стороны М. Каддафи. Базы подготовки располагались в Куфре, а сами повстанцы перебрасывались через территорию Судана. Ливийская поддержка *FROLINAT* подтолкнула Ф. Томбалбаю начать переговоры с М. Каддафи, в ходе которых он признал права Ливии на полосу Аузу – 150-километровый участок ливийско-чадской границы, богатый урановыми рудами, что было важно для потенциальной ливийской атомной программы.

Начиная с 1977 г. Ливия стала активно вооружать силы тубу, находившихся в подчинении Г. Уэдея². Значительно лучше вооруженные, чем правительственные войска, силы Г. Уэдея захватили ряд населенных пунктов в регионе БЭТ, а в феврале 1978 г. перешли в широкомасштабное наступление, захватив весь регион БЭТ. Ливия не преминула воспользоваться моментом, выступив в качестве посредника между Нджаменой и чадской оппозицией: 27 марта 1978 г. были заключены соглашения в Бенгази, по которым правительство Чада шло на значительные уступки *FROLINAT* и боевому крылу организации – *FAP* (*Forces armées populaires*).

Значительное усиление роли Ливии в чадских делах не только ставило под угрозу позиции Парижа в этой стране, но и в целом подвергало сомнению роль Пятой республики как гаранта франко-ориентированных режимов франкофонной Африки³. Для ликвидации угрозы во французской постколониальной эксклюзивной зоне влияния президент Ж. д'Эстен принял решение начать военную операцию «Тако» для поддержки режима в Нджамене. Несмотря на то, что французские силы смогли отбросить повстанцев от столицы Чада, долгосрочным решением проблемы операция не стала. В самой Нджамене власть начала рассыпаться. В то же время силы *FAP* взяли под контроль большую часть северных районов страны. На фоне фактического развала страны на несколько враждующих лагерей в Нигерии с активной поддержкой со стороны Парижа была созвана конференция по мирному урегулированию конфликта. По итогам нескольких раундов переговоров было сформировано Переходное правительство национального единства (*GUNT*), к которому отказался присоединяться глава другой влиятельной повстанческой группировки тубу (*FAN*), Х. Хабре, в результате чего оно попало в зависимость от Триполи⁴.

Стоит отметить, что отношения Триполи с чадской оппозицией складывались непросто. С 1978 г. М. Каддафи делал ставку на арабов Чада, объединенных в повстанческую армию «Вулкан» под командованием А. Асила. Группировка нередко вступала в открытое противостояние с *FAP*, состоявшими преимущественно из тубу. Противоречия между оппозиционными фракциями арабов и

1 Powell 2020.

2 Ibid.

3 Mouric 1984.

4 Powell 2020.

тубу вкупе с неудавшейся попыткой создания федерации Ливии и Чада привели к разрыву между М. Каддафи и Г. Уэддеем. В свою очередь, это усилило позиции *FAN*, получавших на тот момент помощь от Египта, Судана и США. Войска Х. Хабре захватили Нджамену в 1982 г., что вынудило Г. Уэддея вновь обратиться за помощью к М. Каддафи.

С 1983 г. Ливия фактически оккупировала север Чада. Страна оказалась разделена на две части. Такое положение вещей было закреплено началом французской операции «Мантa», прочертившей «красную линию» для ливийских войск по 15 параллели, позже сдвинутую на 1 градус широты севернее¹. Позиция французов не изменилась со сменой президентских администраций: Ф. Миттеран, как и его предшественники, намеревался защищать французские интересы и престиж в Сахеле. Тем временем ситуация на севере Чада для ливийцев ухудшалась. *GUNT* начало рассыпаться на фоне противоречий между арабами и тубу; в 1985 г. Г. Уэддей был арестован в Триполи, после чего сбежал в Алжир². Чтобы исправить ситуацию, М. Каддафи приказал перейти 16-ю параллель; в ответ на это Париж начал операцию «Эпервье». В то же время проливийские чадские формирования подняли мятеж против ливийской оккупации. На помощь им были направлены силы Х. Хабре и французские ВВС. В 1987 г. в ходе войны Тойот ливийские войска потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены покинуть территорию Чада, включая полосу Аузу.

Поражение Ливии было во многом связано с политикой М. Каддафи в отношении тубу Чада, которая отражала реалии подхода Триполи к ливийским представителям субсахарской народности. Тубу столкнулись с системной дискриминацией еще в Ливийском королевстве, когда по закону 1954 г. они были лишены гражданства, так как в силу повальной безграмотности не могли доказать свое ливийское происхождение. Дискриминация тубу легла в основу и ливийской политики в Чаде, где Триполи отдавало предпочтение чадским арабам в ущерб тубу, а впоследствии и вовсе опиралась на оккупационные силы Исламского легиона³. Франция же, напротив, работала с лидерами тубу и играла на их противоречиях с М. Каддафи, что в итоге оказалось выигрышной стратегией.

В целом после поражения 1987 г. вмешательство Ливии в чадские дела постепенно сошло на нет. Попытка использовать этническую динамику ливийско-чадского приграничья окончилась провалом и привела к изоляции М. Каддафи на африканском континенте, которую удалось преодолеть лишь к концу 1990-х гг. В то же время дискриминация тубу в Феццане продолжилась. Маргинализация тубу впоследствии сыграла значительную роль в ходе ливийской гражданской войны 2011 г. в Феццане. В то же время подход Парижа к конфликту оказался удачным: совмещая военную силу, дипломатическое давление и политическое взаимодействие с племенами севера Чада, Пятая республика обеспечила безопасность своей зоны влияния в Сахеле от ливийской экспансии. Несмотря на то, что ливийско-чадская война вновь продемонстрировала значение Феццана для процессов на севере Чада, она также показала, что Париж может использовать этнические про-

1 Otayek 1984.

2 Powell 2020.

3 Ibid.

цессы ливийско-чадского приграничья в своих интересах. В то же время война четко продемонстрировала силу процессов в ливийско-чадском приграничье. Ливия показала, что она не только арабская, но и африканская страна; в то же время М. Каддафи активно продвигал, не без определенного успеха, панарабистские нарративы в Чаде. Война в Чаде способствовала секьюритизации ливийско-чадского приграничья (а впоследствии – северных районов стран Сахеля, где обитали кочевые племена) во французском геополитическом воображении. При этом был секьюритизирован и образ самой Ливии: она представлялась непредсказуемым актором с далеко идущими амбициями в отношении соседних сахельских стран.

Значение Феццана во французской политике в Ливии после 2011 г.

Париж стал инициатором западной интервенции в Ливию в 2011 г. Французская дипломатия мобилизовала западных союзников и добилась запроса на установление бесполетной зоны от Лиги арабских государств, на основе которой была впоследствии принята резолюция СБ ООН №1973. Франция вторглась в Ливию по целому ряду причин. Париж стремился восстановить свой имидж на Арабском Востоке, охваченном революционными потрясениями, после внешнеполитических провалов в Египте и Тунисе¹. Ливия, которая вновь пыталась бросить вызов французской гегемонии в Сахеле посредством создания альтернативных региональных институтов, в частности Сообщества стран Сахары и Сахеля, отлично подходила на роль «сакральной жертвы». Кроме того, Пятая республика стремилась получить большую долю ливийской нефтедобычи и объектов инфраструктуры, в особенности – портов. Однако установить мир после выигранной войны Парижу не удалось: практически сразу после победы над силами М. Каддафи ливийские повстанцы начали конфликт за передел страны.

Феццан вновь приобрел стратегическое значение для французской политики в Сахеле с началом ливийской гражданской войны. С разграбленных складов ливийской армии в Феццане в Нигер и Мали хлынуло оружие в поддержку туарегского восстания в Азаваде, в Мали². Вместе с оружием в Мали возвратились туареги из Исламского легиона М. Каддафи, ставшие ядром восстания. Сам же регион Феццана превратился в источник разноплановых угроз для Франции. В это же время началось отмечаемое рядом исследователей сближение региональных процессов в Магрибе и Сахеле.

Территория Феццана использовалась как убежище исламистами – Аль-Каидой в Исламском Магрибе и плеядой связанных с ней организаций в Сахеле (Аль-Мурабитун, Ансар Ад-Дин, Ансар Аш-Шариа), а также «Исламским государством» (организации запрещены в РФ), начавшим распространяться в Ливии в 2014 г. Выдавленные из Ливии и Алжира в начале 2000-х гг., террористические организации начали закрепляться в Феццане после окончания войны³. Этнической базой исламистов в Феццане стали туареги и арабы, в то время как тубу

1 Krüger, Stahl 2018.

2 Harmon 2014.

3 Wehrey 2017.

оказались менее расположены к радикальным салафистским учениям. Однако это не помешало террористам сотрудничать с криминальными группировками тубу, промышлявшими нелегальной перевозкой людей (в массе своей – мигрантов) и подчас торговлей контрабандой и наркотрафиком¹. Примечательно, что ливийский вилайят ИГИЛ после разгрома в Сирте в 2016 г. перенес центр своей активности в Феццан и развернул масштабную кампанию по индоктринации субсахарских мигрантов, следующих через регион. С последующей фрагментацией страны и фактическим развалом ливийской государственности Ливия, и в особенности Феццан, оказались вовлечены в сахаро-сахельское сплетение транснационального терроризма и криминала.

Франция была вынуждена реагировать на террористическую угрозу в Ливии, распространившуюся не только в Феццане, но и на побережье, в Сирте, Бенгази и Дерне. В качестве локального союзника французы выбрали Ливийскую национальную армию Х. Хафтара². Х. Хафтар казался наиболее приемлемым вариантом: его поддерживали французские союзники, Египет и ОАЭ, он не был близок к исламистским движениям и пользовался поддержкой востока страны³. В контексте милитаризации французского присутствия в Сахеле после начала операции «Сервал» в 2013 г. политика Парижа в Ливии также перешла под управление Министерства обороны и спецслужб (внешней и военной разведки)⁴. Французские силы специальных операций начали действовать как в Феццане, так и на востоке страны, под Бенгази и Дерной⁵. С приходом к власти Э. Макрона поддержка Ливийской национальной армии (ЛНА) только усилилась: Х. Хафтар был признан Парижем в качестве легитимного политического игрока, а французские военные советники были прикреплены к генштабу ЛНА⁶. В 2018–2019 гг. при одобрении и поддержке Пятой республики ЛНА установила контроль над значительной частью Феццана, в частности Себхой, Музруком и другими населенными пунктами, кроме ливийско-нигерской и ливийско-алжирской границы, которые контролировали туарегские ополчения.

Примечательно, что основным противником ЛНА в Феццане выступали племена тубу, значительно увеличившие свое влияние после 2011 г. При этом и тубу, и ЛНА поддерживали отношения с чадской оппозицией, разделенной на ряд группировок по этническому признаку: Фронтом за перемены и согласие Чада (FACT – состоит преимущественно из клана Даза Горан), Союзом сил сопротивления (UFR – состоит преимущественно из клана Бидеят Загава), Военным командным советом по спасению республики и Национальным фронтом демократии и справедливости Чада (CCSMR, FNDJT – Креда Горан и арабы Чада), Союзом сил за демократию и справедливость (UFDD – Горан Анаказа)⁷.

1 Lounnas 2018.

2 Harchaoui 2019.

3 Лукьянов, Г.В. Как Хафтар и Макрон пиар делили // РСМД. 28 августа 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-khaftar-i-makron-piir-delili/> (дата обращения: 25.05.2023).

4 Chesnot, Malbrunot 2022.

5 «Trois membres de la DGSE morts en Libye, le gouvernement libyen proteste», *Le Monde*, July 20, 2016, accessed May 25, 2023, https://www.lemonde.fr/international/article/2016/07/20/trois-militaires-francais-tues-en-libye_4972142_3210.html.

6 «En Libye, le pari perdu de la France», *Le Monde*, June 26, 2020, accessed May 25, 2023, https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/06/26/en-libye-le-pari-perdu-de-la-france_6044218_3212.html.

7 Alexandre Bish, "Soldiers of Fortune: The Future of Chadian Fighters after the Libyan Ceasefire," *Global Initiative against Transnational Organized Crime*, December 3, 2021, accessed May 25, 2023, <https://globalinitiative.net/analysis/chadian-fighters-libyan-ceasefire/>.

С началом полномасштабных боевых действий в Ливии в 2014 г. обе противостоящие стороны начали привлекать чадских наемников: как индивидуально / мелкими группами, так и в составе оппозиционных структур. Так, ЛНА нанимала на службу в 2014–2016 гг. бойцов из *UFDD* и *CCSMR*, а впоследствии – из *FACT*¹. После раскола в *CCSMR*, из которого образовался *FACT*, *CCSMR* заключили альянс с бригадами Мисураты. Французы скептически относились к чадским и суданским наемникам в рядах ЛНА, однако предпочитали видеть Феццан в руках Х. Хафтара, чем под контролем исламских экстремистов или ливийских тубу или туарегов. В 2018–2019 гг. ЛНА при поддержке союзников из *FACT* установила контроль над большей частью Феццана. В ходе наступления на Триполи силы Х. Хафтара также активно задействовали наемников *FACT*. Однако после провала наступления чадские наемники оказались не нужны и стали активно конкурировать с местными игроками за контроль над потоками людей и контрабанды, проходившими через регион. Одновременно с этим *FACT* готовился к наступлению на правительственные войска в Чаде. В апреле 2021 г. началось наступление, в ходе которого силами *FACT* был убит президент Чада И. Деби. Убийство аффилированными с силами Х. Хафтара французского союзника в Чаде во многом символизировало неспособность Парижа справиться с трансграничными этническими процессами, спровоцированными интервенцией 2011 г. в Ливию.

Наконец, еще одним вызовом французским интересам в Сахеле из Феццана стало проникновение в Феццан других внерегиональных акторов, в первую очередь – России. Российские вооруженные формирования зашли в Феццан летом 2020 г., на месторождения Аш-Шарара и Эль-Филь². Стоит отметить, что Париж и Москва «сосуществовали» в Восточной Ливии с 2018 по 2020 гг.: ЛНА оказывали помощь и французские военные советники вместе с силами специальных операций, и российские частные военные компании. Однако увеличение роли российских ЧВК в 2020 г., когда именно они спасли фронт ЛНА от развала под Сиртом и Эль-Джуфрой, вкупе с их проникновением в Феццан начало восприниматься Парижем как непосредственная угроза интересам в Сахеле.

Угроза от российского присутствия в Феццане приобрела для Парижа стратегический характер с появлением российских ЧВК в Мали. В глазах французам, с учетом присутствия российских ЧВК в ЦАР и Судане, Феццан дает возможность выстроить полноценную систему военно-политического присутствия в Сахеле, т.к. открывает доступ к Чаду и Нигеру. Более того, часть французских аналитиков видела «российский след» в нападении *FACT* на И. Деби, несмотря на отсутствие подтверждающей информации³. Однако в целом проникновение Москвы в Чад и Нигер на фоне увеличивающегося антифранцузского ресентимента представляется экзистенциальным вызовом для Пятой республики. С учетом свертывания операции «Бархан» и уменьшения французских военно-политических возможностей в Сахеле для Парижа крайне важно ликвидировать угрозу, исходящую

1 Alexandre Bish, "Soldiers of Fortune."

2 « Le groupe paramilitaire russe Wagner s'étend dans le Sud libyen », Africa Intelligence, August 20, 2020, accessed May 25, 2023, <https://www.africaintelligence.fr/afrique-du-nord/2020/08/20/le-groupe-paramilitaire-russe-wagner-s-etend-dans-le-sud-libyen,109600800-art>.

3 « Une main étrangère dans l'assassinat d'Idriss Déby », Mondafrique, April 21, 2021, accessed May 25, 2023, <https://mondafrique.com/la-russie-de-poutine-dans-les-coulisses-de-l-assassinat-didris-deby/>.

с юго-запада Ливии, даже если ради этого придется поступиться интересами в самом ливийском конфликте. Именно поэтому для французов является приоритетным вывод ЧВК из Ливии.

Таким образом, Феццан становился плацдармом, откуда снова исходят источники разноплановых угроз французскому присутствию в Сахеле, начиная с 2011 г. Если сначала угрозу несли традиционные динамики ливийско-чадского и ливийско-нигерского приграничья, усугубленные распространением исламистских группировок, то в новом десятилетии угрозы начали представлять внерегиональные игроки (прежде всего – Россия и Турция), использующие Феццан для дальнейшего проникновения в Сахель. Однако, в отличие от ситуации в 1970–1980-е гг., французская политика оказалась по большей части неуспешной, особенно в части выбора партнера на театре военных действий в Ливии. Париж не предоставил ЛНА достаточной прямой военной поддержки, что вынуждало ЛНА полагаться на чадских и суданских наемников, а впоследствии – на российские ЧВК. В то же время Франция совершенно не задействовала контакты среди туру и туарегов Ливии, что привело к использованию Феццана как операционной базы чадской оппозицией. Это, в свою очередь, отвлекало силы Нджамены, наиболее боеспособные из стран Сахельской пятерки, на борьбу с внутренним врагом вместо участия в антитеррористических операциях в приграничье Мали, Нигера и Буркина-Фасо в рамках объединенных сил *G5 Sahel*.

Заключение

Значение Феццана для политики Франции на ливийском направлении и в широком смысле – для политики в Сахельском регионе – определялось в первую очередь процессами в ливийско-чадском и ливийско-нигерском приграничье. Можно выделить три периода феццанской политики Парижа: имперский, постколониальный и современный.

На имперском этапе своей политики Франция столкнулась с мощным сопротивлением на востоке и севере Чада в ходе его покорения, координировавшимися ливийским орденом сенуситов со своих баз в Феццане и на юге Киренаики. Только начало итальянского покорения Ливии положило конец деятельности сенуситов в Сахеле. Однако как только Франция получила возможность закрепиться в Феццане после его завоевания в 1943 г., она тотчас ей воспользовалась. Феццан был фактически присоединен к колониальной империи, соединяя африканские владения с алжирскими департаментами. На территории Феццана Четвертая республика выстроила систему управления с опорой на местные племена. Контролируя регион, Франция не давала использовать Феццан в качестве операционной базы растущему алжирскому национально-освободительному движению. Париж имел долгосрочные планы на Феццан, рассчитывая даже протянуть нефтепровод через его территорию, но начавшаяся война за независимость Алжира положила конец этим планам. Однако после ее окончания Феццан не представлял угрозы французским интересам в построенной Ш. де Голлем неоколониальной системе присутствия в Африке.

На постколониальном этапе Феццан вновь приобрел критическое значение для Парижа с момента вмешательства Ливии в гражданскую войну в Чаде. После

провала своих панарабских проектов М. Каддафи стремился к созданию транссахарского арабского государства, включавшего в себя не только арабов, но и туарегов и загава, которых глава Джамахирии активно рекрутировал в Исламский легион. При этом активно налаживались связи с чадскими кланами тубу, которым предоставлялось ливийское гражданство. Франция была вынуждена начать военную операцию, чтобы не допустить поглощения Чада Ливией. Для успешного противостояния ливийскому влиянию Париж задействовал военные, дипломатические и политические средства, играя на противоречиях между М. Каддафи и аффилированными с ним оппозиционными чадскими группировками, в первую очередь состоявшими из тубу и загава. Экспансионистские устремления М. Каддафи и неумелое обращение с племенами севера Чада были в итоге использованы Парижем для того, чтобы выбить почву из-под ног ливийской армии в Чаде. Деликатная работа с племенами ливийско-чадского приграничья, тем самым, позволила Пятой республике одержать победу.

Однако повторить успех в контексте развернувшегося после 2011 г. ливийского кризиса Франция не смогла. На современном этапе, спровоцировав интервенцией в Джамахирии масштабный кризис, ставший катализатором кризиса в Сахеле, Париж был вынужден предпринимать действия по обеспечению безопасности Феццана. Регион использовался транснациональными исламскими экстремистами, преимущественно арабами и туарегами, которые к тому же активно взаимодействовали с транссахарским криминалом. В поисках локального партнера выбор французов пал на ЛНА, которую также поддерживали основные партнеры Парижа в арабском мире: ОАЭ и Египет. ЛНА удалось стабилизировать Феццан, но поскольку Париж не мог в открытую поддерживать армию Х. Хафтара, она была вынуждена опираться на чадских наемников, а впоследствии – на российские ЧВК.

Провальное наступление Хафтара на Триполи и спасение фронта российскими ЧВК значительно увеличили роль Москвы в Ливии, в частности в Феццане, где частные вооруженные формирования были замечены на нефтяных месторождениях. В то же время заключенное в августе 2020 г. перемирие сделало ненужными услуги чадских наемников, значительно увеличивших свое влияние в транссахарских криминальных цепочках. Феццан стал операционной базой для чадской оппозиции, позволил накопить ей ресурсы для вторжения в Чад в апреле 2021 г., что привело к смерти президента И. Деби и выходу Чада из антитеррористической кампании объединенных сил «Сахельской пятерки», сформированной при участии Франции. В то же время Россия, закрепившаяся в ЦАР и Мали, получила плацдарм для потенциального входа в Чад и Нигер, оплот французского присутствия в Сахеле.

Таким образом, Феццан представлял собой источник угроз для французских интересов во всем Сахеле и вынуждал активизировать политику на ливийском направлении каждый раз, когда появлялись акторы, способные играть на процессах в феццанском приграничье. Примечательно, что подобные акторы далеко не обязательно должны были быть государствами: пример ордена сенуситов и транснациональных исламистских организаций (Аль-Каиды и ИГИЛ) говорит об обратном. В обоих случаях Феццан выступал в качестве плацдарма, операционной базы военно-политической, экономической и пропагандистской активности, спонсировавшей масштабную антифранцузскую герилью.

Стоит отметить, что государственные акторы использовали феномен феэцанского приграничья с меньшим успехом, чем негосударственные. Одной из ключевых причин поражения М. Каддафи был разрыв отношений с тубу, ключевым этносом приграничья. Делать выводы о политике России в Феэцане на данный момент рано. Однако сам Париж не смог поставить процессы в Феэцане под свой контроль, положившись на ненадежного локального актора – ЛНА.

Сегодня Феэцан обладает стратегическим значением для французского присутствия в Сахеле и во многом определяет политику Парижа на ливийском направлении. В свете постепенного слома французской гегемонии в Сахеле и проникновения плеяды новых игроков в Ливию и Сахаро-Сахельский регион, в первую очередь – России и Турции, Феэцан может стать еще одной точкой противостояния великих держав в Африке, стремящихся использовать транснациональные процессы в сфере безопасности на континенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Adjel-Debbich, Sarah. "The Edjeleh-Gabès Pipeline Crisis: At the Heart of Maghreb Sovereignty Issues (1954–1962)." *L'Année Du Maghreb* 18 (2018): 129–148 [In French].
- Amhimmid, Salem Alsagheer. "Patterns of French Foreign Policy in the Fezzan 1943/1951." *Journal of Human Sciences of the University of Sebha* 20, no. 3 (2021): 15–22. <https://doi.org/10.51984/JOHS.V20I3.1492>. [In Arabic].
- Ashtiewi, Abdelnaser. "French National Assembly and the Question of Fezzan: From Colonialism to Evacuation 1943–1956." *Al-Mukhtar Journal of Social Science* 40, no. 3. (2022a): 660–681. <https://doi.org/10.54172/mjssc.v40i3.1127>. [In Arabic].
- Ashtiewi, Abdelnaser. "French Foreign Policy Regarding the Greater Sirte Region (Gulf of Sirte) from the End of the Second World War to 1952: Colonial Expansion or Politics of the Future?" *Research Journal of the University of Sirte* 20. (2022b): 368–384 [In Arabic].
- Bellair-Baudier, Renée. "The Fezzan." *L'Information Géographique* 13, no. 1 (1949): 5–10. <https://doi.org/10.3406/ingeo.1949.5416>. [In French]
- Bennafla, Karine. "Chad: the Arab-Islamic Siren Call." *Autrepart* 16 (2000): 67–86 [In French].
- Bensaad, Ali. "Power Struggles, Transnational Networks and Territorial Reconfigurations in Fezzan, Libya." *Maghreb-Machrek*, no. 2. (2019): 121–138. <https://doi.org/10.3917/machr.240.0121>. [In French].
- Bulhasen, Saïfelnaser. Franco-Libyan relations. (*PhD diss., Université d'Auvergne Clermont-Ferrand I, France*, 2000). [In French].
- Buzan, Barry, and Ole Wæver. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>.
- Chesnot, Christian, and Georges Malbrunot. *The French Downgrading: Élysée, Quai d'Orsay, DGSE: Secrets of a Strategic War of Influence*. Neuilly-sur-Seine: Michel Lafon, 2022 [In French].
- Childs, Timothy Winston. *Italo-Turkish Diplomacy and the War over Libya, 1911–1912*. New York: E.J. Brill, 1990.
- Cocatre-Zilgien, André. "The Franco-Libyan Agreements." *Annuaire français de droit international* 2, no. 1 (1956): 242–254. <https://doi.org/10.3406/afdi.1956.1233> [In French].
- De Gaulle, Charles. *Memoirs of war*. Paris: Gallimard, 2020 [In French].
- Evans-Pritchard, Edward E. *The Sanusi of Cyrenaica*. London: ACLS, 1954.
- Frémeaux, Jacques. *Africa in the shadow of swords, 1830–1930. (PhD diss., Université Paul-Valéry Montpellier, France, 1999)*. [In French].
- Genevois, Julien. "France and the Settlement of the Libyan Question. 1945–1949." *Cahier Thucydide* 13 (2013): 1–84 [In French].
- Graeff, Christian, and Clairet, Sophie. "Qaddafi, Libya and French Foreign Policy." *Diplomatie*, no. 5 (2003): 79–82 [In French].
- Harchaoui, Jalel. "France's Libyan Policy and Its Historical Antecedents." *Revue internationale et stratégique* 116, no. 4 (2019): 33–43. <https://doi.org/10.3917/ris.116.0033>. [In French].
- Harmon, Stephen Albert. *Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region: Corruption, Contraband, Jihad and the Mali War of 2012-2013*. The International Political Economy of New Regionalisms Series. Farnham, Surrey, UK ; Burlington, VT: Ashgate, 2014.
- Kelly, Saul. "Ce Fruit Savoureux Du Desert': Britain, France, and the Fezzan, 1941-56." *Maghreb Review* 26, no. 1. (2001): 2–21.
- Krüger, Laura-Theresa, and Bernhard Stahl. "The French Foreign Policy U-Turn in the Arab Spring – the Case of Tunisia." *Mediterranean Politics* 23, no. 2 (3 April 2018): 197–222. <https://doi.org/10.1080/13629395.2016.1253685>.
- Lounnas, Djallil. "The Links between Jihad Organizations and Illegal Trafficking in the Sahel." *MENARA Working papers*. (2018).
- Mouric, Nelly. "France's Chad policy under Valéry Giscard d'Estaing." *Politique africaine* 16 (1984): 86–101 [In French].

Otayek, René. "Libya Takes on France in Chad: Who Loses, Who Wins?" *Politique africaine* 16 (1984): 66–85 [In French].

Palmieri, Tommaso. A Comparative Study of Italian and French Military Administration in the Libyan Fezzan: A case of Colonial Continuity (1930–1951) (*PhD diss.*, Aix-Marseille Université, France, 2015) [In French].

Powell, Nathaniel Kinsey. *France's Wars in Chad: Military Intervention and Decolonization in Africa*. African Studies Series. New York: Cambridge University Press, 2020.

Prunier, Gérard. *Darfur: The Ambiguous Genocide*. Crises in World Politics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.

Romo-Navarrete, Maria. "A Franco-Libyan Face-off: From the French Fezzan to the Ratification of the Friendship Treaty (1951–1957)." *Outre-Mers. Revue d'histoire* 89, no. 336 (2002): 361–389. <https://doi.org/10.3406/outre.2002.3997>. [In French].

Sibguet, Ouelguelguet. "France and the Libyans of Chad during the Fezzan Crisis (April 1954–January

1955)." *Guerres Mondiales et Conflits Contemporains* 196 (1999): 37–51 [In French].

Triaud, Jean-Louis. *Chad 1900–1902 : A Forgotten Franco-Libyan War. A Muslim Brotherhood, The Sanūsiyya Facing France*. Racines Du Présent. Paris: L'Harmattan, 1987 [In French].

Triaud, Jean-Louis. *The Black Legend of La Sanūsiyya: A Saharan Muslim Brotherhood Under French Eyes (1840–1930)*. Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1995 [In French].

Vernier, Bernard. "The Status of Fezzan." *Politique étrangère* 12, no. 2. (1947): 189–200 [In French].

Wannās, al-Munṣif, Pierre-Noël Denieuil, and Muḥammad Ṣaddām, eds. *A little-known story: Libyan-French relations in Fezzan from 1943 to 1956: a Libyan-French-Tunisian perspective*. Tunis: IRMC, Cérès éditions, 2012 [In French].

Wehrey, Frederic. *Insecurity and Governance Challenges in Southern Libya*. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2017.

Сведения об авторе

Александр Мартиросович Наджаров,
аналитик центра средиземноморских исследований НИУ ВШЭ,
115184, Москва, ул. Малая Ордынка, 17.
e-mail: anadzharov@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 27.04.2023.

Переработана: 27.05.2023.

Принята к публикации: 01.06.2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Наджаров, А.М. Значение региона Феццан в политике Франции
qv Ливии и Сахеле // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (2). С. 166–182.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-166-182>

Significance of the Fezzan Region in French Policy in Libya and the Sahel

ABSTRACT

For a hundred years, since the French colonization of Chad and Niger, the Libyan region of Fezzan has played a significant role in the French strategy in Africa. The determining factor in the importance of the region for the policy of Paris was played by the transnational processes of the Fezzan border. The ethnic proximity of Fezzan and the northern regions of the Sahelian countries catalyzed the Franco-Libyan clashes in Chad in the 1900s, when the colonialists faced the resistance of the Senussi order, which was suppressed only with the beginning of the Italian conquest of Libya. The desire of Paris to establish control over the region to ensure the security of its possessions in the Sahel and their connection with the Algerian departments formed the basis of its policy in the middle of the 20th century. The significant influence of the region on the Sahel after decolonization prevailed, most clearly manifested in the 1970s and 1980s, when the Libyan Arab Republic tried to use ethnic contradictions in Chad to establish its hegemony in the north of the country, which, in turn, led to a conflict with Paris, in which the Fifth Republic, thanks to skillful work with the tribes of the Libyan-Chadian borderlands. After the outbreak of the civil war in Libya in 2011, Fezzan regained its importance for French politics due to the emergence in the region of terrorist structures associated with transnational Sahelian crime, the Chadian opposition and the forces of other great powers. The article examines the patterns of the French strategy towards Fezzan, in particular the French security policy in the Fezzan borderlands. The study of the historical retrospective of French politics allows us to more thoroughly determine the motives and intentions of the strategy of the Fifth Republic in southwestern Libya at the present stage.

KEYWORDS

French foreign policy, Fezzan, civil war in Libya, Chad, instability in the Sahel, tuba, transnational processes, Senusites

Author

Alexander M. Nadzharov,

Analyst, Mediterranean Studies Centre, HSE

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 115184

e-mail: anadzharov@hse.ru

Additional information

Received: April 27, 2023. Revised: May 27, 2023. Accepted: June 01, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Nadzharov, Alexander M. "Significance of the Fezzan Region in French Policy in Libya and the Sahel." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 166–182.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-166-182>